

Институт истории естествознания
и техники имени С.И. Вавилова
Российской академии наук

ПУТЬ В ПРОФЕССИЮ

Институт истории
естествознания
и техники
в воспоминаниях
сотрудников

Москва
2022

УДК 93(092)
ББК 78.5
П 90

Путь в профессию: Институт истории естествознания и техники в воспоминаниях сотрудников / Фандо Р.А. – отв. ред.; Илизаров С.С. – автор идеи, составитель, редактор. – М.: «Янус-К», 2022. – 920 с.

ISBN 978-5-8037-0857-5

В книге собраны тексты воспоминаний сотрудников Института истории естествознания и техники разных поколений, начиная с 1930-х годов, когда существовал Институт истории науки и техники АН СССР (1932–1938), от которого ведет свое происхождение ИИЕТ РАН, и до настоящего времени. Данное издание, содержащее свыше 180 мемуарных текстов, продолжает и развивает проект, который был реализован в 2008 г. в виде книги из сорока воспоминаний старшего на то время поколения историков науки и техники, работавших в ИИЕТ.

Книга адресована как специалистам в области истории и историографии истории науки и техники, а также истории науковедения, так и всем, кого интересует развитие истории науки как области знаний и сферы профессиональной деятельности.

На обложке – фотография здания по адресу: Старопанский переулок, дом 1/5, в котором Институт истории естествознания и техники размещался в 1966 – 2007 годах.

A journey to the profession: Institute for the History of Science and Technology in the recollections of its staff / R.A. Fando, Exec.; idea, compilation and editing by S.S. Ilizarov. – М.: Yanus-K, 2022. – 920 p.

This book is a collection of memoirs of different generations of the Institute for the History of Science and Technology («ИИЕТ») staff members from the 1930s when its predecessor, the first Institute for the History of Science and Technology («ИИТ», 1932–1938), existed to this day. This publication that comprises more than 180 memoir texts continues and further pursues the project, which in 2008 culminated in a book consisting of forty memoirs of the then older generation of historians of science and technology who had worked at the Institute.

This publication is addressed to the professionals in the history and historiography of science and technology and in the history of science studies as well as to everyone interested in the development of history of science as a knowledge area and a professional sphere.

Cover photograph: the building at 1/5 Staropanskii pereulok that hosted the Institute for the History of Science and Technology in 1966-2007.

© С.С. Илизаров, 2022
© ИИЕТ РАН, 2022

ISBN 978-5-8037-0857-5

1991 год

ГЕРОВИЧ
Вячеслав
Александрович

Интересовался я историей с детства, но заботливые родители, понимая, что для еврейского мальчика, поступающего в институт в 1980 году, лучше бы интересоваться чем-то более инженерным, мягко подтолкнули меня к изучению математики. В результате я оказался на специальности «прикладная математика» Института нефтехимической и газовой промышленности им. И.М. Губкина, известного в народе как «Керосинка».

Получив в 1985 г. «красный» диплом, я попал в Центральную геофизическую экспедицию (большой вычислительный центр в Москве), где недолгие занятия программированием убедили меня (и мое начальство) в том, что это не мое дело, и мне поручили интервьюирование геофизиков с

целью выявления их знаний для последующей формализации и создания компьютерной экспертной системы. Я занялся «инженерией знаний», модным тогда подходом в области искусственного интеллекта.

От инженерии знаний я вскоре перешел к изучению эпистемологии, а затем и философии науки, и направил свои стопы на кафедру философии естественных факультетов МГУ. Кафедра как раз получила первые персональные ЭВМ, и не зная, что с ними делать, мне предложили придумать разумное приложение этих машин к философии. Я «изобрел» гипертекст с перекрестными ссылками (не зная, разумеется, что эта концепция уже давно разработана в США) и написал обучающий гипертекст по аналитической философии, впрочем, так и оставшийся на бумаге.

В МГУ я стал соискателем и начал слушать лекции для аспирантов, в том числе увлекательнейший курс М.А. Розова по его теории научного знания и «социальных эстафет». Михаил Александрович – блестящий лектор, оригинальный мыслитель и невероятно харизматичный человек – открыл для меня целый мир философии и истории науки, наполненный загадками и ждущий творческого подхода. Он порекомендовал мне обратиться к Н.И. Кузнецовой, которая, в свою очередь, посоветовала поступать в аспирантуру в ИИЕТ, куда меня приняли летом 1988 г.

Особой структуры для обучения аспирантов в институте не было; предполагалось, что мы как-то впитаем дух исследований из академической атмосферы. Единственный регулярный семинар для аспирантов вела острая на ум и язык Наталия Ивановна, и веселый, азартный, ниспровергательский дух этого семинара помнится мне до сих пор. Новые социологические и антропологические подходы к исследованию науки вызывали живой интерес и желание самому сделать какую-нибудь нетривиальную работу.

Моим «домом» внутри ИИЕТ стал бывший «кедровский» сектор философии науки, носивший почему-то расплывчатое наименование «сектор теоретико-методологических проблем истории естествознания», и моим научным руководителем стал А.А. Печенкин. Александр Александрович, серьезный и вдумчивый ученый, чутко относившийся к интересам своих учеников, предоставил мне свободу в выборе темы. Памятуя о своих былых занятиях «инженерией знаний», я решил заняться философскими проблемами искусственного интеллекта (ИИ), а также выяснить, какая модель развития науки наиболее применима к данной области. Пришлось вплотную изучить историю развития ИИ в США. С изумлением я обнаружил, что ученые, занимавшиеся ИИ, легко меняли свою риторику в зависимости от аудитории и результатов своих проектов: если система ИИ работала плохо, она говорили, что целью ИИ является не создание эффективных систем, а познание механизмов мышления; если же их работы критиковали специалисты по психологии мышления, они возражали, что ИИ не обязан копировать человеческий разум. С этого времени у меня возник интерес к изучению научной риторики, или дискурсивных стратегий ученых.

Шла перестройка, вся страна бурлила, бурлила и жизнь в ИИЕТ. Открывались «белые пятна», выходили прежде запретные книги, возвращались имена, в том числе репрессированных ученых. Благодаря усилиям младшего поколения историков и социологов науки – А.Б. Кожевникова и

С.Б. Шапошника в Москве, Д.А. Александрова и Н.Л. Кременцова в Санкт-Петербурге – стали разрабатываться интересные методологические вопросы социальной истории советской науки. От бинарной модели противостояния хорошей науки и плохой власти они стали переходить к анализу социально-политической деятельности внутри советского научного сообщества, анализировать столкновение групповых интересов ученых, обнаруживать влияние социума на уровне концептуального языка науки. Хотя в те годы я еще не занимался историей советской науки, эти оживленные дискуссии оказали большое воздействие на мое понимание динамики научного сообщества и отразились в моих более поздних работах.

В ИИЕТ нередко стали приезжать зарубежные ученые, в частности, Лорен Грэхэм (Loren Graham) и Дуглас Винер (Douglas Weiner). Грэхэм попросил меня помочь ему с работой в архивах, и я окупился в архивные исследования, результаты которых вошли позднее в его книгу «Призрак казненного инженера». С тех пор я полюбил архивную работу, и мои интересы начали сдвигаться от философии к истории науки.

Осенью 1991 г. Грэхэм организовал поездку группы молодых научных сотрудников и аспирантов ИИЕТ по американским университетам. Мы посетили ведущие центры исследований по истории науки и увидели активную академическую жизнь, познакомились с огромным многообразием тем и подходов, ощутили искренний интерес американцев к советской науке на волне перестроечного интереса к СССР. После окончания официальной части поездки я проехал по нескольким университетам в Калифорнии, рассказывая о переменах в СССР в битком набитых залах.

В декабре 1991 г. я был принят на работу в ИИЕТ, а в январе защитил диссертацию по философии науки «Динамика исследовательских программ в области искусственного интеллекта». Затем я включился в большой проект нашего сектора по истории и философии синергетики, где изучал связи синергетики с кибернетикой и искусственным интеллектом. Моя работа все дальше уходила от философии в сторону истории науки.

Вскоре меня приняли в докторантуру MIT по истории и социальным исследованиям науки и техники. В сентябре 1992 г. я уехал учиться в США, совершив одновременно переход от русского языка к английскому, от философии к истории науки, и от занятий американской наукой к изучению науки российской. По иронии судьбы, объект моего исследовательского интереса всегда оказывался от меня по другую сторону океана.

Обучение в докторантуре MIT протекало гораздо интенсивнее, чем неторопливые разговоры в домашней обстановке ИИЕТ. Я сдал 19 учебных предметов в широком спектре – от методов антропологии до феминистской истории, а также читал лекции и вел семинарские занятия для различных студенческих курсов по истории науки. Из моих курсовых работ возникли первые статьи, в том числе две публикации, посвященные развитию исследований по истории науки в СССР, в том числе деятельности ИИЕТ – «Restructuring of the History of Technology and Science in the USSR: Changes in the Discourse» в журнале «Technology and Culture» (1996) и «Writing History in the Present Tense: Cold War-Era Discursive Strategies of Soviet Historians of Science and Technology» в сборнике «Universities and Empire: Money and Politics in the Social Sciences During the Cold War» (1998).

Несколько курсовых работ были посвящены истории советских исследований по кибернетике, искусственному интеллекту и вычислительной технике; постепенно из них сложилась тематика моей докторской диссертации, «Speaking Cybernetically: The Soviet Remaking of an American Science», защищенной в 1999 г. В ней советская кибернетика рассматривалась не просто как интеллектуальное течение, а как социальное движение за радикальные реформы в советской науке и обществе. Энтузиасты кибернетики видели в машинных моделях универсальный способ решения проблем, а в языке кибернетики – язык объективности и истины. Работа прослеживала историю советской кибернетики – от вызова, брошенного ей сталинской науке с ее «новоязом», до призвания кибернетики «на службу коммунизму», а затем и превращения ее в новую официальную догму, направленную на сохранение status quo, а не на реформы. На основе диссертации вышла книга «From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics» (2002) и несколько статей, в том числе на русском языке – в журналах «Вопросы истории естествознания и техники» (ВИЕТ) и «Неприкосновенный запас».

После окончания докторантуры я работал в Дибнеровском институте истории науки и техники над проектом по истории бортового компьютера космического корабля «Аполлон». Проект включал сбор документов, интервью с ветеранами и организацию обсуждения в формате онлайн-форума. Начатый в 1999 г., проект несколько опередил свое время; социальные сети и онлайн-дискуссии еще не вошли в моду и не стали привычными, но первый опыт такого способа изучения истории науки и техники заслуживал критического анализа. Я рассказал о нем на LXV пленуме Российского национального комитета по истории и философии науки и техники в ИИЕТ в мае 2002 г.

Вскоре тематика моих исследований расширилась, включив историю бортовой вычислительной техники в советской космонавтике, затем добавились вопросы взаимодействия человека и автоматики, а эта тема оказалась тесно завязана на вопросы социального взаимодействия космонавтов и инженеров, соотношение их роли и влияния в советской космической программе, а также более общие вопросы пропагандистской функции космонавтов, имиджа космонавтики в советском обществе и социальных механизмов формирования и переписывания космической мифологии. Я регулярно приезжал в Москву для работы в архивах и музеях и интервью с космонавтами и инженерами. Одним из наиболее интересных было интервью с В.Л. Пономаревой, ведущим кандидатом на первый женский космический полет, оказавшейся лишь дублером В.В. Терешковой, а впоследствии ставшей прекрасным историком и руководителем группы истории космонавтики в ИИЕТ. Интервью с Валентиной Леонидовной вышло в ВИЕТ, а также вошло в мою книгу интервью «Voices of the Soviet Space Program: Cosmonauts, Soldiers, and Engineers Who Took the USSR into Space» (2014). На основе собранных материалов я написал монографию «Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity» (2015) и серию статей.

После завершения «космического» проекта я вернулся к математическим истокам своего образования и начал преподавать историю математики на математическом факультете MIT, а также занялся социальной исто-

рией советской математики. Проведя более 90 устных интервью, я начал реконструировать социальные механизмы, с помощью которых советское математическое сообщество в 1960–80-е гг. преодолевало политические и административные барьеры, возводившиеся на пути одаренных молодых ученых из числа «нежелательных элементов». Я назвал систему таких неформальных механизмов «параллельной социальной инфраструктурой» советской математики. Этой теме посвящено несколько статей, в том числе на русском языке в журнале «Логос».

В сентябре 2020 г. вместе с А.Б. Кожевниковым мы создали профессиональную группу историков российской науки в Фейсбуке и начали вести онлайн-коллоквиум CHORUS: Colloquium for the History Of Russian Science, где регулярно выступают с докладами историки из России, Европы, Америки и Азии. В 2004 г. я опубликовал в ВИЕТ свой перевод статьи американского историка Питера Галисона (Peter Galison) «Зона обмена». Хочется надеяться, что виртуальное пространство станет именно такой «зоной обмена» идеями, поможет преодолеть барьеры в распространении знания и приведет к созданию единого глобального научного сообщества историков российской науки.